

ГУМАНИСТИЧЕСКИ-СМЫСЛОВОЙ ПОДХОД В МИКРОСОЦИОЛОГИИ

Л. Ю. Логунова

HUMANISTIC SENSE APPROACH IN MICROSOCIOLOGY

L. Yu. Logunova

В современной социологии, испытывающей парадигмальный кризис, оформляется гуманистически-смысловой подход. Он сохраняет гуманистические традиции феноменологической социологии и микроанализа, акцентирует внимание на человеке как главном эксперте собственной жизни и ее смыслов. Статья содержит основные особенности, принципы, методические характеристики молодого подхода. Данный подход основан на интерпретативной парадигме, но предполагает насыщенный методологический потенциал, совмещающий элементы макро- и микроанализа. Это решает многие современные методологические проблемы в гуманитарных науках. С помощью методов данного подхода можно изучать людей и общества как взаимодействующих с помощью смыслов субъектов, изучать процессы этих взаимодействий. Возможности анализа смыслов жизни человека в культурно-историческую эпоху проиллюстрированы на примере искусства модерна. Показаны векторы развития и значимость данного подхода в будущем.

In modern sociology, experiencing a paradigm crisis, humanistic sense approach is formed. It retains the humanistic tradition of phenomenological sociology and microanalysis, focuses on the person as a chief expert of their own life and its meaning. The paper contains the basic features, principles, methodical specifications of the young approach. This approach is based on the interpretive paradigm, but involves intense methodological potential, combining elements of macro- and micro-analysis. This solves many modern methodological problems in the humanities. This approach can be used for studying people and society as interacting with the help of the subjects senses, for studying processes of these interactions. The potential of analyzing the human life sense in the cultural and historical period is illustrated by the example of Art Nouveau. The vectors of development and the importance of this approach in the future are shown.

Ключевые слова: микроанализ, гуманистически-смысловой подход, феноменологическая социология.

Keywords: microanalysis, humanistic sense approach, phenomenological sociology.

Парадигмальный кризис социологии характеризуется поиском альтернативных исследовательских стратегий. Постулаты интерпретативной парадигмы стали своеобразным «ответом» на проблему методологической ограниченности монодисциплинарного подхода и традиционного «жесткого» анализа деятельности человека в сфере, не поддающейся в принципе исключительно количественному анализу (смыслы, ценности, социальный опыт, ментальные структуры). Если в классическом подходе личность с ее жизненными смыслами жестко зависела от объективной надындивидуальной реальности, то в неклассическом подходе значимой признается «человеческая» повседневность с ее индивидуальными внутренними интенциями.

Логика развития современной методологии дрейфует в сторону оформления тенденции интегративного понимания социальных процессов и явлений, когда основным методологическим приемом становится сочетание микро- и макроуровней анализа, преодолевающих конфликты объективистской и интерпретативной парадигм. При отсутствии явного доминирования признанных теоретических подходов появляется возможность интенсивного развития методологии, позволяющей исследовать жизнь людей, наполненную противоречиями: пространственной телесностью реальности и актуализацией тем «трансцендентального». Это становится онтологической основой для развития исследовательских стратегий качественной методологии.

Микроподход исследует сферу обыденного сознания, процессов повседневной жизни, неинституциали-

зированных практик, в которых бытие человека приобретает новые социальные и духовные перспективы. При этом микросоциологию интересуют инструментальные характеристики взаимодействий с точки зрения понимания смыслов, основанных на жизненном опыте человека в структуре повседневности. Принцип «понимания» является фундаментальным в современной неклассической социологии. Он определяет отношение к объекту как к носителю символики опыта. Интерпретация этой символики становится центральной зоной социологического анализа.

Понимание может быть применено в качестве специфического метода анализа социальной реальности, предложенного М. Вебером. Данный метод является совокупностью исследовательских приемов наук о духе, обоснованных В. Дильтеем: интроспекция (самонаблюдение), сопереживание (эмпатия, вчувствование), культурологический анализ. По мнению В. Дильтея, любое осмысление, «уразумение» – это уникальное «переживание», придающее смысл («значение») содержанию [1, с. 129 – 143].

В русской социологии задолго до открытия уникальных методов феноменологического анализа П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский обосновали «субъективный метод», который потряс основы позитивистского объективизма. Субъективный метод – это способ изучения социальной реальности, который предполагает субъективное понимание и истолкование мира, учитывает степень влияния субъективного на объективное. Основной приём субъективного метода – «позиционный обмен» требовал мысленное вхождение в жизнь и судьбу наблюдаемого объекта.

Это означает, что исследователь встает на место «страждущих или ожидающих», делает чужие мысли и чувства исходным материалом для своих теоретических выводов. В центре внимания работы с субъективным методом – мнения людей, при этом результаты объективных наблюдений должны остаться на втором плане.

Соединить субъективное и объективное, микро- и макрособытия жизни людей в их развитии и изменении во времени удалось Дж. Г. Миду, разработавшему особый теоретический взгляд на общество – символически-смысловой. Благодаря формированию интерпретативного подхода социальный анализ потерял объективную бесстрастность, основанную на усредненных процентах и цифрах; качественная социология ввела в обиход не просто специфическую оценку социального, но человеческую составляющую реальности. Наука «заговорила» живым языком обычного человека.

Во второй половине XX века сама субъективность подверглась смысловой трансформации. Термин «субъект» стал способом для обозначения на теоретическом уровне сложных и противоречивых элементов человеческого опыта, «в качестве альтернативного обозначения индивида, человека, лица (Person)» [3, с. 178] и принял значение человека как познающего, мыслящего и действующего индивида («актора»). Особенность изучения социальных процессов заключается в «наблюдении наблюдателя» (самоописаниях), объясняющего себе смысл этого мира (Н. Луман).

Сегодня феноменология отстаивает право микро-социологии на субъективность, подвергая сомнению «объективность» количественного анализа, предлагая рассматривать такую «объективность» как «интер-субъективность» (усредненную совокупность субъективных значений). Феномен общественного сознания приобрел значение интересубъективного сознания, в котором заложена способность людей вырабатывать в процессе взаимодействия представления о реальности на основе консенсуса и типизации. Такое сознание может включать в предмет исследования и ментальные характеристики общности, и социальные (национальные) привычки, и смысловое поле, объясняющее значения социальных объектов.

С обоснованием концепции повседневности (А. Шюц) социологический анализ наполняется новым гуманистическим смыслом. Его объектом становится человек, который сам конструирует свой жизненный мир (мир опыта, значений и смыслов), понимается как эксперт собственной реальности. Творцы других «жизненных миров» могут разделять «типические» значения и смыслы или наделять события конфликтующими, отличными смыслами.

Образы, смыслы, подтексты, спрессованные в одной истории человеческого бытия, становятся основной темой исследовательских проектов представителей гуманистически-смыслового подхода. Это молодое научное направление, ставящее акценты на смысловой составляющей феноменологического анализа и человеческой субъективности предметной области исследований. Оригинальность исследовательских стратегий, основанная на интегративных техниках социокультурного, герменевтического анализа в соче-

тании с методами «понимания» и техниками «качественного анализа», определяет интерес социологов к данному направлению в ситуации парадигмального кризиса. Уникальными представляются методологические конструкции, при которых элементы макроанализа встраиваются в техники микроподхода. Вместе с тем работа в русле гуманистически-смыслового подхода требует от социолога методологической смелости (создание и обоснование оригинальных гибридных методологических комплексов), эрудиции и знания многих нюансов историко-культурной ситуации. Это объясняет редкость современных социологических исследований в этом направлении.

Теоретико-методологической основой гуманистически-смыслового подхода являются феноменология и экзистенциальный анализ, цель данного подхода – изучение смыслов существования различных жизненных форм, имеющих актуальную значимость для человека. Этот подход покоится на интеллектуальной традиции понимающей социологии: символический интеракционализм, визуальная социология, этнометодология. Такой подход дает возможность исследовать человеческие миры объективные и глубоко символические, пропитанные культурными кодами.

Человек рассматривается в смысле экзистенции. Имеется в виду: конкретность его биографической ситуации, наполненная уникальностью смыслов, символизмом; социокультурная контекстуальность, наполненная его переживаниями, чувствами. Вместе с тем сохраняются типические черты его социальности, исследование которых позволяет увидеть не только фрагмент мозаики человеческих миров, но и понять всю картину мира людей, живущих в конкретную историко-культурную эпоху.

Отметим, что в отличие от статичности количественных показателей, качественные методы гуманистически-смыслового подхода настроены на пластичность, мобильность конструкций жизненных миров. Если для демонстрации динамики процессов в количественных исследованиях нужно иметь несколько статичных показателей, то исследовательский взгляд гуманистически-смыслового подхода заключается в возможности видеть и фиксировать изменения мира человека в изменчивых человеческих мирах. Это следует из основной тематики интеракционалистских теорий. Она покоится на проблемах исследований *смысла-процесса-взаимодействия*.

Смысл. Это то, что составляет основу бытия наших миров, то единственное, чем мы в реальности обладаем. Даже, когда мы думаем, что обладаем движимым и финансовым капиталом, мы обладаем всего лишь смыслом этого капитала. Смысл – это то, что мы готовы защищать, даже когда все факты и исторические ситуации противоречат его содержанию. Часто мы поступаем нелогично и даже неадекватно, но всегда в согласии с нашим смыслом.

Смыслы бывают экзистенциальные (характеризующие жизненные цели), обычные (повседневные, смыслы-привычки), уникальные, рутинные (традиционные), конвенционные (общие групповые смыслы). Последние в отличие от остальных в большей степени открыты для переоценки и дальнейшего согласования. Пожалуй, самые постоянные – это уникальные

смыслы, которые можно понять только на основе знания биографической ситуации человека и процессов, сформировавших эти смыслы.

По широте функционирования можно определить и общекультурные, и локально действующие смыслы. Например, если традиционные и конвенциональные смыслы характерны для представителей одной культуры (этноса, общности), то повседневные смыслы могут бытовать в городской культуре, которая основана на общности дискурса, следовательно, – на общности смысла. В сельскую культуру эти смыслы проникают благодаря механизмам упрощения и подражания (например, русский фольклор XIX века представляет собой карикатуру на культурные традиции горожан).

В любом случае смысл обладает характеристикой подвижности. Практически невозможно представить фиксированный смысл чего-либо.

Об особенностях характеристик смыслов пишет К. Пламмер. Он указывает на эмерджентность, многозначность, зависимость от интерпретаций и социальных действий людей. Это означает, что «смысл является не фиксированным кодом, а борьбой по поводу знаков». Функционирование смысла – это «социальный диалог знаков» (Е. Рёберг-Халтон, 1987).

Процесс. Классическая социология, опираясь на позиции процессуальности, часто критикует постнеклассические теории за фрагментарность, мимолежность исследовательской рефлексии. Однако исследуя жизненные миры, микросоциология видит социокультурные процессы во всей их изменчивости, в границах микрообъекта проявляются все краски большого мира, глаза очевидца эпохи видят события, которые врезаются фактами в его судьбу. Микроанализ напоминает действие микроскопа с его конструкциями приемов и методов. Под этим микроскопом рассматриваются масштабные исторические и политические ситуации. В малых каплях личностно окрашенного социального опыта можно увидеть и понять социальные смыслы эпохальных событий. Эти смыслы нестатичны, человек постоянно подвергает свой опыт переоценке, находясь в поиске высшего экзистенциального смысла (В. Франкл). Процессуальность микросоциология видит в механизме обновления и согласования смыслов.

Взаимодействие – один из элементов этого механизма. Сам смысл становится интерактивным процессом. Его можно обнаружить только в результате взаимодействий. В процессе самореализации, обретения и трансформации самости, человек обретает новые и трансформирует старые смыслы, постоянно предлагает их другим, согласует их с другими. «Смысл троичен (triadic). Он связан с жестом одного, реакцией другого, и их совместного действия по этому поводу» [4, с. 200]. В конечном счете, люди общаются с помощью обмена смыслами на приграничных территориях своих жизненных миров. «Социальные объекты обретают свои значения в соответствии с тем, как они используются в совместных действиях. Социальные группы постоянно включены в согласование смыслов» [4, с. 201].

В результате культура исследуется через призму жизненной ситуации человека, проявляется в нюансах, ее монолитность наполняется красками, распадается

на соцветия жизней, не теряя при этом смысловой целостности эпохи. Такой подход дает возможность увидеть историческую эпоху в другом смысловом ключе, более приближенным к пониманию простого человека, а не профессионального историка или культуролога.

Для примера, представим себе исследование эпохи модерна в ключе гуманистически-смыслового подхода. Исследуем смыслы эпохи, применяя метод визуальной социологии.

Модерн – направление в европейском искусстве и дизайне, которое определило смысл культурной эпохи, продлившейся около 20 лет – с последнего десятилетия XIX века до начала Первой мировой войны. В этот период сформировался элегантный, многожанровый «новый» стиль, который возник почти одновременно во многих европейских странах и получил разные названия (*Прим. автора.* Модерн (от фр. *moderne* – современный). Во Франции этот стиль называли арнуво (фр. *art nouveau* – «новое искусство»), «стиль Гимара» (по имени архитектора Г. Гимара, автора уникального дизайна входов в парижский метрополитен), в Германии – югендстиль (нем. *Jugendstil* – «молодой стиль»), в Австрии – Сецессион (*Secessionsstil*, от лат. *secessio* – отделение, уход), в Англии – модерн стайл (англ. *modern style* – «современный стиль»), в Италии – стиль либерти («цветочный стиль»), в Испании – модернизм, в Нидерландах – *Nieuwe Kunst*, в Бельгии – стиль Орта (по имени архитектора В. Орта), в Швейцарии – еловый стиль (*style sapin*), в США – стиль тиффани (по имени Л. Тиффани). Использовались также названия «стиль 1900 года», «стиль линий», «стиль волн», «студии», «вермишель», «угорь», «удар бича». Но все эти названия определил общий смысл, который вошел историю как «прекрасная эпоха» (фр. *Belle Epoque*)).

Такого многообразия названий стиля не было ни у одной историко-культурной эпохи, что обращает на себя внимание исследователя в первую очередь. Если в каждой стране стиль старались назвать по-своему, то это говорит об особом эмоционально-смысловом напряжении, попавшем в резонанс у людей разных национальностей. Каковы возможные причины такого феномена тотального и почти единовременного распространения нового стиля как философии новой жизни, не получившего единого названия?

Время стыка эпох, как правило, определяется экзистенциальным напряжением, которое особо остро чувствуют представители высокой культуры. Романтическая эпоха закончилась победой буржуазных вкусов и образа жизни. Европа и Северная Америка подчиняется законам технического прогресса. Запущен конвейер, на поток поставлен выпуск автомобилей (Форд, Рено, Пижо), зарождается техническая легенда Харли Дэвидсон. Европейцы увидели первые кинофильмы, узнали, что такое телефон, самолет. В быту появляются первые пылесосы, стиральные машины. Доступной стала фотография («живопись для бедных»), которая и запечатлела факты бытования этих новшеств.

Культурная жизнь наполняется новой идеей – «творческий проект» (например, Дягилевские сезоны), возрождается идея Олимпиады, появляются первые спортивные тренажеры. Красота и возможности

тела демонстрируются не только на арене цирка, но входят новым смыслом в повседневную жизнь.

Как правило, любой взлет прогресса уравнивается в общественном сознании чем-то сакральным, дремучим. В эпоху модерна это проявилось в интересе к мистике, средневековым чудесам, обновились все легенды о вампирах, что стало своеобразным модным направлением в творческой мысли.

Эти настроения совпали с требованиями к научной мысли и определили новую идейную платформу духовной элиты, которая совершила революцию в гуманитарной теории, создав новое качество сознания, новое жизнепонимание. Зарождается неклассическая социология на основе философских идей Э. Гуссерля о феноменологии, интуитивизме А. Бергсона, ницшеанстве, экзистенциализме С. Кьеркегора, М. Хайдеггера, К. Ясперса, Н. Бердяева, психоанализе Ф. Фрейда, К. Юнга. В искусстве и дизайне теоретическую основу стиля («концепция эстетического синтеза») определил У. Моррис.

Смыслы повседневной жизни, сферы человеческих взаимоотношений пересекла демаркационная линия противоречий. С одной стороны, викторианская эпоха характеризовалась как апогей пуританства. С другой стороны, самые классические ее представители демонстрируют странное поведение. Например, Льюис Кэрролл занимается созданием пикантных фотографий девочек. Причем, делает это с разрешения их отцов. Знаменитая Алиса, «викторианский ангел», реально существовавшая девочка, – одна из его не то моделей, не то подружек. Это трудно назвать «расцветом педофилии», но такие факты, без сомнения, свидетельствуют о рождении новых повседневных практик. К этому можно добавить многочисленные факты гомосексуализма, инцеста, адюльтера в творческой и божественной среде. Нужно, оговориться, что художники, архитекторы, литераторы, дизайнеры, философы не являются распущенными типами, они лишь фиксируют лики реальности, пропитанной кризисом отношений между мужчиной и женщиной, проявившемся в необходимости обоснования причин и форм выхода из кризиса в философии, психологии, человекознании. Эта фиксация потрясает глубиной переживания разлома эпох, скрупулезностью исследования мира, точностью и одновременно метафоричностью, эмоциональностью, что определяет специфику смыслов носителей повседневного сознания современников «прекрасной эпохи».

Перелом во взаимоотношениях мужчины и женщины, трансформация интимности проявила себя в новом идеале красоты. Картины художников эпохи – документы, свидетельствующие о преображении женщины и мужчины, изменении модели традиционных взаимоотношений полов.

Из выбранных нами художественных и публицистических материалов сформировалась эмпирическая база: 1) одиннадцать художников, сформировавших стиль модерн в живописи: Э. Мане, В. ван Гог, Ж. де Фор, Ф. Дикси, Ч. Гибсон, Э. Мунк, Ф. Кнопф, А. Муха, П. Беренс, Г. Климт, О. Бердслей. Выбрано по 10 работ (портреты, графика) изображающих мужчин и женщин, взятых методом случайной выборки в художественных каталогах. Всего 110 портретов и

эскизов дизайна; 2) фотографии творческих личностей эпохи модерна – более 50; 3) фотографии бытовой техники эпохи модерна – 45; 4) мемуаристика и популярная критическая литература.

Исследовались образы мужчин и женщин, взаимодействия, выраженные в художественных традициях (поцелуи, традиционные действия на досуге, сюжеты взаимоотношений).

Модерн презентует экзотическую женственность, новый стиль женской красоты: героиня отрешенная, спокойная, таинственная, элегантная, «дышащая духами и туманами» (Ж. де Фор, Ф. Дикси, Ч. Гибсон, А. Муха). На портретах с преобладанием мягких колоритов, сине-зеленых оттенков или напоенных теплотой охрой тонов, представлен образ дамы, которая, получает удовольствие от самой себя, от своих новых чувств, которые герой портретов разделить с ней не может. Он не способен их понять, он, возможно, не догадывается, что они у нее проснулись и уже царствуют над новым миром. Мужчина изображен, как правило, в образе, атакующем агрессивной мужественностью или психической неустойчивостью (Э. Мунк, В. ван Гог, Г. Климт). Колориты картин нервные, преобладают активные сексуальные цвета (красные, оранжевые тона) или эмоционально-подавленные серо-коричневые краски. Если женщина изображена на фоне цветущих садов или в аристократических интерьерах, то мужчина – на фоне воды экзотических цветов (например, красных оттенков), в интерьерах питейных заведений и психиатрических клиник.

На картинах, где композиция включает изображения мужчины и женщины, отображается традиционная модель отношений, где герой в доминирующей позиции, а героиня – в подчиненной (исключение составляют, пожалуй, графические работы Ч. Гибсона). Традиционные позы и жесты похожи на попытку вернуть женщину прошлых веков. Но факты поведения женщины эпохи модерна резко противостоят этим желаниям мужчин. Например, на картинах Ч. Гибсона женщины активны: они рисуют, наслаждаются солнцем на пляже, музицируют, танцуют. Мужчины – стоят, позируют, сидят, завистливо смотрят на дам. Это период формирования движения суфражисток, отстаивающих политические и гражданские права женщин в Англии и США. Судя по памфлетам американских журналистов, мужчины испугались этой «новой Евы», осыпая едкими шутками новый стиль женского поведения.

Дама модерна закурила (например, на картинах Ж. де Фор). В моду вошли кубинские сигары «Джульетта» и специальные кафе-клубы для курящих женщин. Она еще носит корсет и пользуется специальными булавками для шляпы, но она уже надела шелковые чулки, активно осваивает новые хореографические формы (А. Дункан), занимается шпионажем (Мата Харри), атакует традиционно мужскую территорию моды (Коко Шанель). Она готова открыто демонстрировать страстность натуры. Не случайно, что в эту эпоху в моду входит танго, вытесняя с паркета вальсы [2, с. 47].

Итак, изменив традиционный стиль женского поведения, модерн обострил проблемы интимности

мужчин, связанные с консервативной моделью мужского типа поведения. Рядом с дамой оказался скупой, неудовлетворенный, усталый мужчина, не знающий, как себя вести с новой Евой. По-старому не получается, новые модели требуют радикального пересмотра традиций в отношениях между полами. Единственный способ показать женщине силу мужественности – война. Мы не претендуем на исчерпывающее определение причин социальной катастрофы начала XX века. Это лишь попытка смыслового анализа. Но предчувствие гибели старых смыслов и ценностей Европы уловили и запечатлели художники. Изобразительное искусство модерна пропитано тонким эротизмом, благородной чухоткой, мистическими образами, сплетенными в причудливые линии и распадающимися хрупкими формами.

Сегодня идет поиск сочетания смыслов гуманизма и постулатов научности. Очевидна связь между символическим интеракционализмом и постмодернистской мыслью. Для эпохи постмодерна характерно отрицание ценностей модерна, но без агрессии, присущей модернизму. Это, скорее, теоретическое примирение гуманистического прорыва модерна и жестких реалий современности.

Современность науки и культуры наполняется позициями эстетического и научного эклектизма. «Жизненная сфера», «культура повседневной жизни» входят в научный обиход наряду с такими устоявшимися научными категориями, как «социальная система» и «социальный факт». В научных социологических теориях вместо терминологии появляются метафоры. Оформляется категория человеческого как альтернатива категории социального.

Размышляя о перспективах развития интеракционистских теорий, как ведущих концепций гумани-

стически-смыслового подхода К. Пламмер отмечает [4, с. 213]: сближение интеракционистского анализа и культурных исследований (например, ранние работы Г. Блумера о кино предвосхищали современные исследования в этой сфере), в контексте «постмодернистского поворота» особую значимость приобретают этнографические исследования, истории жизни, фильмов, тел, и культуры в более общем плане; формирование новых направлений в интеракционистской социологии, например, социология эмоций («Управляемое сердце» А. Хохчайлд, 1983 г.), что позволяет констатировать теоретический прогресс, неразрывно связанный с эмпирической работой; тенденция к микро-макро соединению, исследование «мезоструктуры», с целью понимания того, «как социальные и институциональные силы соединяются с деятельностью людей».

Это векторы осмысления методологических позиций качественной социологии будущего, в которой герменевтические процедуры и методы занимают центральное место. Понимание как метод ставит проблему смыслового единства культуры. Смысл – это канва социокультурной ткани, каждый смысл принимает очертания узора и имеет право на существование. Проблема в том, кто есть эксперт, формирующий канву – некий «правильный смысл», который обрастает идеологической составляющей и принимает нормативный характер. Такой смысл субъект будет защищать вопреки фактам. Понимающая методика сохраняет право смысла на существование, исследует причины его возникновения, трактует «ошибки» как отклонения от «правильного» смысла, то есть как самодостаточные социально дифференцированные смыслы, характеризующие объективную реальность. В этом и есть гуманистическая природа социологии.

Литература

1. Дильтей В. Категории жизни / Структура исторического мира в науках о духе; пер. с нем. А. П. Огурцова // Вопросы философии. 1995. № 10. С. 129 – 143.
2. Логунова Л. Ю. Парадигмальная опора социологического понимания и событийность в микросоциологии / Социальная и политическая мобилизация: микросоциологический анализ: коллективная монография / отв. ред. Л. Л. Шпак. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2015. С. 24 – 51.
3. Луман Н. Самоописания. М., 2009. С. 178.
4. Пламмер К. Символический интеракционализм в двадцатом веке: расцвет эмпирической теории / Блэквелловский путеводитель по социальной теории / под ред. Б. С. Тернера; пер. с англ. А. Ю. Рыкуна. Томск, 2003. С. 200 – 213.

Информация об авторе:

Логунова Лариса Юрьевна – доктор философских наук, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры социологических наук КемГУ, 8-951-604-94-82, vinsky888@mail.ru.

Larisa Yu. Logunova – Doctor of Philosophy, Candidate of Sociology, Associate Professor, Professor at the Department of Sociology, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 04.03.2015 г.